

диалога. В этих случаях одновременно задействован другой важный принцип коммуникации – принцип экономии.

Своеобразие реализации принципа экономии усилий в электронной речи проявляется также в экономии количества нажатий клавиш на компьютерной клавиатуре. Участники электронной коммуникации часто употребляют строчные буквы вместо заглавных, чтобы не тратить усилия на нажатие клавиши верхнего регистра. Обратное явление – употребление заглавных букв вместо строчных – будет, вероятно, воспринято как выражение сильного эмоционального отношения автора сообщения.

Электронный формат речи – это сравнительно новая разновидность речевой деятельности, происходящая в особых условиях и в особой среде. Однако «электронная речь» – это не какая-то особая форма речи, а скорее отражение процесса сближения устной и письменной речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРА

1. Бовтенко, М.А. Формирование информационно-коммуникационной составляющей профессиональной компетенции преподавателя иностранных языков / М.А. Бовтенко // Сб.: Вестник Московского университета. – № 4/2005. – 170 с.

2. Рязанцева, Т.И. Некоторые особенности реализации коммуникативных принципов и стратегий в условиях компьютерно-опосредствованного общения / Т.И. Рязанцева // Сб.: Вестник Московского университета. – № 1/2007. – 240 с.

ГАРБАЛЕВ А.Н. (Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина)

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ, ИМПЛИКАТУРЫ И ДЕКОДИРОВАНИЕ МЕТАФОР

Стандартные (стертые) метафоры фиксируются в энциклопедических словарях, точнее в словарной статье, как одно из идиоматических значений. С окказиональными метафорами все обстоит несколько иначе. Сдвиг (перенос) признаков одного объекта на другой (приписывание второму объекту свойств первого) происходит не на основе значений словарной статьи (значений, регистрируемых словарем в семантической структуре слова), а на основе контекстуальных импликатур, которые при этом оказываются слабыми импликатурами [1, с. 224].

Эффект слабой импликатуры основывается на расширении значений, устанавливаемых словарными значениями, до пределов тех контекстуальных интерпретаций значений, которые удовлетворяют принципу коммуникативной значимости (communicative relevance) [2, с. 349-359].

Объем значений контекстуальных (слабых) импликатур максимально не определен в том смысле, что говорящий, употребляя не стертую метафору, не навязывает слушающему какую-то конкретную интерпретацию, но побуждает его самого активно искать среди широкого диапазона значений именно то значение, которое отвечает интенции говорящего. В этом случае сама пропозиция, выраженная метафорическим высказыванием, не передается, она лишь служит ступенькой в процессе поиска передачи возможных (и потому слабых) импликатур.

Концепты, декодируемые из высказываний, построенных на основе метафорического переноса, подвергаются процессу inferential loosening (контекстуальное расширение признаков значения) [3, с. 121-122]. Таким образом, метафорические

высказывания передают экспликации, которые содержат loosened ad hoc concepts или контекстуально вариативные значения (концепты, понятия) релевантные только в данных условиях, т.е. ad hoc concepts.

Как формируется такой контекстуально–вариативный концепт? За счет обратного переосмысления в процессе взаимной подстройки экспликаций и импликаций. Например: *Gerald is a tank*:

Концепт 1 – мощь, сила, которой трудно противостоять (прёт как танк);

Концепт 2 –напористость, неудержимость (его не остановишь!);

Концепт 3 – агрессия, угроза (жизни) – (лучше не стоять у него на пути).

Ни один из этих ситуативных концептов не выделяется как доминирующий при обращении говорящего к слушающему и любая из трех интерпретаций этих концептов со стороны слушающего приемлема для успешной коммуникации [4, с. 134].

При метафорическом переносе свойств одного объекта на другой можно говорить о возникновении новых свойств концептов. Ни Gerald, ни tank обычно не образуют предметную пару (за исключением случая, когда танк носит это имя). В этой метафоре на ум слушателю не приходит какая-то ярко выраженная сильная импликация (например – Gerald лжец или предатель), а скорее целый пакет слабых, возможных импликаций на выбор: речь может идти об:

- а) упрямстве Джеральда или
- б) его решимости или
- в) его бесчувственности или
- г) его неумяемости или
- д) его агрессивности или, на конец,
- е) его равнодушии.

Как мы знаем, танки не обладают решимостью, упрямством и тому подобными свойствами, т.е. свойствами человеческого характера. Главный вопрос при этом заключается в том, как эти слабые импликации во всем их многообразии возникают в процессе коммуникации. Очевидно, что в случае метафоры они не могут возникнуть непосредственно на основе словарного концепта “танк”.

Чтобы ответить на этот вопрос, процитируем примеры, которые широко обсуждались в специальной литературе и получили различные интерпретации в рамках “контекстуальной теории значений” (relevance theory) [3]:

1. *My boss is a shark.*

2. *Henry is a teddy-bear.*

3. *Jane is a block of ice.*

4. *That surgeon is a butcher.*

1. Словарная статья “shark” дает значение – хищное, агрессивное существо, что может вести к импликации – мой босс агрессивен. Но люди агрессивны не так, как агрессивны акулы. К тому же агрессия у людей может быть неуправляемой (негативная черта характера) и управляемой, осознанной (осознанное, контролируемое поведение). Отсюда возникновение слабых импликаций: а) мой босс псих, неврастеник; б) мой босс агрессивен по отношению к своим конкурентам и легко расправляется с ними. Любая из этих двух импликаций будет ad hoc концептом, возникающим в контексте в процессе интерпретации слушающим высказывания говорящего.

2. Словарный концепт “teddy-bear” – передает тактильное ощущение мягкости (мягкая на ощупь детская игрушка), а слабыми импликатурами в контексте становятся: а) человек с мягким характером; б) безвольный человек. Обе они возникают только в контексте.

3. Словарный концепт “a block of ice” дает понятие низкой температуры, а слабыми контекстуальными импликатурами являются: а) холодный темперамент; б) человек лишенный страстности; в) равнодушный к другим.

4. Еще более сложным оказывается процесс возникновения слабых импликатур в примере с “мясником – хирургом”.

В данном случае оба словарный концепта – хирург и мясник – относятся к человеку, обозначают профессии, более того, профессии, где используется одинаковый инструмент – нож (хотя и модифицированный в каждом случае – скальпель хирурга и нож для обвалки мяса при разделе туш животных), и где к тому же выполняется одно действие – разрезание тканей ножом. Различие кроется в манере выполнения данного действия – если от мясника требуется лишь расчленение туши на порции (при этом где точно пройдет разрез не имеет значения), то у хирурга любое отклонение от принятой линии разреза чревато осложнениями или смертью пациента. Различие кроется и в целепологании – у мясника – расчленить тушу на части, порции, а у хирурга – сделать разрез так, чтобы обеспечить адекватный доступ к области интереса, не повредив жизненно важные органы и ткани, и чтобы обеспечить в дальнейшем быстрое восстановление и нормальную жизнедеятельность организма после операции.

Самое драматичное различие в контекстуальных импликатурах заключается, однако, в конечном результате – разделке туши (механическая работа с большими допусками к точности операции) и искусстве оперирования (минимальные допуски отклонения по анатомическим параметра каждого пациента в отдельности).

Таким образом, налицо сразу несколько слабых контекстуальных импликатур, порождаемых метафорой – “хирург – мясник”:

- 1 различие в манере действия;
- 2 различие в цели действия;
- 3 различие в результатах действия.

Какая именно из этих слабых импликатур будет реализована в акте коммуникации зависит от взаимной подстройки общего понимания как со стороны говорящего, так и со стороны слушающего. Например: а) пациент был прооперирован, выздоровел, но шов был без необходимости большим и грубым (импликатура 1), контекст – пациентка жалуется подруге, что не может теперь носить бикини на пляже; б) пациента оперировали и не совсем удачно, потребовались повторные операции, пациент весь в швах и рубцах, но причина недуга так и не устранена (импликатура 2), контекст – хромота так и не исчезла, колено полностью не сгибается; в) пациента оперировали неудачно, затронули артерию, пациент скончался (импликатура 3), контекст – родственники полагают, что именно ошибка хирурга привела к смерти близкого им человека. Таким образом, можно говорить о взаимной подстройке импликатур как со стороны говорящего, так и со стороны слушающего в зависимости от контекста коммуникации.

Как уже упоминалось выше, фазы или этапы подстройки слабых импликатур при метафорическом переносе носят не последовательный (отбрасывание одной за другой, пока не останется одна единственная) а взаимно-обратимый характер. Другими словами, обмениваясь репликами говорящий и слушающий постоянно и параллельно “скользят” по “списку” импликатур вперед и назад, добиваясь все более точной подстройки или единого понимания.

Другой особенностью этого процесса взаимной подстройки импликатур является, на наш взгляд, способность нового (разворачивающегося) контекста на каждом этапе менять коннотативную составляющую высказывания и, тем самым, акцентировать другие слабые импликатуры, а не те, которые были в общем фокусе говорящего и слушающего изначально. Так, говоря о том, что Джон отказывается помогать маме в саду, потому что он во что бы то ни стало хочет выступить в составе ансамбля на рок-концерте, говорящий заставляет слушающего актуализировать такие импликатуры как упрямый, бессердечный, эгоистичный. Но, когда из последующего контекста становится известно, что целью проведения концерта является сбор денег на благотворительность (строительство детской клиники), импликатуры бессердечный и эгоистичный уходят из общего фокуса и их место замещают импликатуры решительный, последовательный в достижении цели.

Третьей особенностью “прочтения” слабых импликатур в процессе метафорического переноса является их одномоментная многозначность. Слабые контекстуальные импликатуры накладываются друг на друга и реализуются целыми кластерами.

В результате такого наложения образуется базовая контекстуальная импликатура, вбирающая в себя множество накладывающихся одно на другое контекстуальных значений метафорического переноса (слабых импликатур). Она не тождественна ни словарной базовой импликатуре и ни одной из отдельно взятых слабых контекстуальных импликатур; она объемна, многозначна и максимально полно вбирает в себя аргументы конкретной ситуации, конкретного контекста, отражая всю ее сложность и неповторимость. Неотъемлемым свойством такой базовой контекстуальной импликатуры является также её “свойство открытого списка” – она не конечна в своём прочтении и представляет собой открытый список, к которому каждый из собеседников может добавлять свои слабые импликатуры как свои прочтения метафоры. Это позволяет разным собеседникам, реагируя на один и тот же метафорический перенос, генерировать разные по объему и количеству значений базовые контекстуальные импликатуры в зависимости как от самой метафоры, так и от фонового значения и внутреннего мира собеседников. В процессе развертывания диалога, в процессе речевого общения её объём и состав значений всё время претерпевает изменения (в результате подстройки позиций собеседников) и постоянному уточнению (или точнее будет сказать) утончению взаимного понимания многозначности метафорического переноса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Sperber, D. and Wilson, D. *Relevance: Communication and Cognition* / D. Sperber and D. Wilson. – Oxford : Blackwell, 1986/95, p.224.
- 2 Carston, R. *Thoughts and Utterances: The Pragmatics of Explicit Communication* / R. Carston. – Oxford : Blackwell, 2002, p. 349-359.
- 3 Vega Moreno, R. *Creativity and Convention: The Pragmatics of Everyday Figurative Speech* / R. Vega Moreno. PhD thesis, University of London, 2005, p. 121-122.

ДЕРЕВЯНКО В.Г. (Брест, БрГУ имени А.С.Пушкина)

ВОСПРИЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Исследование политического дискурса началось сравнительно недавно и представляет собой довольно молодую область изучения. Оно ведется по нескольким направлениям, но ученые так и не пришли к единому мнению в отношении его определения. Поэтому политический дискурс может рассматриваться и как «политический язык» (О.И. Воробьева), и как «язык общественной мысли» (П.Н. Денисов), и как «агитационно-политическая речь» (А.П. Чудинов). Однако все они едины в том, что политический дискурс – это специфическое речевое образование, любая составляющая которого относится к политике. Другое распространенное направление рассматривает политический дискурс как класс жанров, ограниченный особой социальной сферой – политикой.

Каждый жанр политического дискурса характеризуется собственными риторическими особенностями. Эффективность политических обращений всегда зависит от используемых способов риторического воздействия на адресата. Существует два основных способа управления в политической сфере: открытый и закрытый. В обоих случаях субъект политической деятельности стремится добиться определенного результата. В первом случае он использует открытое воздействие на людей с целью склонить их на поддержку того или иного мнения, той или иной реализуемой им цели. Второй способ – это скрытое управление, т.е. такое управляющее воздействие инициатора, при котором требуемое ему решение принимается адресатом воздействия самостоятельно, без видимого нажима. Другими словами, политик использует манипуляцию как способ воздействия с целью управления поведением человека.

Понятно, что от избранной оратором стратегии зависит достижение о цели высказывания. Таким образом, стратегия обращения оратора к аудитории влияет на способы восприятия политической речи. Стратегия коммуникации определяется, как правило, характером цели, особенностями аудитории на которую предполагается воздействовать ресурсами языка. Выбрать нужную стратегию – это значит определить наиболее эффективный путь к цели, то есть к результативной коммуникации, которая основывается на адекватном восприятии.

Восприятие речи имеет комплексный характер, это система процессов информационной переработки текста, опосредующих его понимание. В данный процесс вовлечены такие психические процессы адресата как внимание, понимание, память, эмоции, наряду с такими личностными особенностями, как принадлежность к определенной культуре, национальные особенности, индивидуальное восприятие мира, понимание и толкование происходящих событий. Все перечисленные факторы учитываются адресантом во время создания текста публичной речи.

Текст публичной речи является продуктом не только внешней, но и внутренней речи, «где мысль и язык связываются в единый и неразрывный комплекс, действующий как речевой механизм мышления» [4, с. 106]. Восприятие текста направлено на понимание замысла речи. Замысел высказывания в публичной речи зависит, в первую очередь, от информации, которую намеревается передать слушателям оратор.